

Служение искусству режиссёра Олега Сидорина

Олег Владимирович Сидорин в действительности Отто Оттович Гейн.

Родился 3 мая 1925 года в городе Саратове.

Родители Отто Иоганович Гейн и Антонина Игнатьевна Сидорина.

В провинциальном городе, каким был Мелекесс в 1950–1970-е гг., театр был одним из немногих очагов культуры. Пьесы ставились, но зрители больше посещали премьеры. Все изменилось с приходом главного режиссера Олега Сидорина.

Его первый спектакль, поставленный на сцене Мелекесского театра, всколыхнул город. На «Божественную комедию» Данте были раскуплены все билеты. С тех пор театральная публика Мелекесса старалась не пропускать постановки нового режиссера.

– Артисты были зачарованы режиссерским талантом Олега Владимировича и играли как слаженный оркестр. Олег Владимирович писал стихи и к ним сочинял музыку, сам пел и играл на музыкальных инструментах, даже поставил драматическую легенду в восьми песнях «Весенние песни надежды». Он и работу в театре называл служением, служением искусству, – вспоминает почитательница театрального искусства, друг семьи Сидоринных В.П. Мосиенко.

Предыстория

В конце XVIII века из Австрии в Россию приехал Иоган Гейн с женой. В ту пору на Волге были немецкие поселения. Иоган был портным, хорошо зарабатывал и вскоре купил небольшой дом, где родились два сына Рихард и Отто. У последнего в 1925 г. появился сын, которого также называли Отто.

Как Отто стал Олегом

В 1941 году началась война. Немец-мужчин ждали лагеря. Женщин и детей отправили в Заполярье.

«На сборы нам 24 часа

Дано было осенью в сорок первом.

Уже по утрам выпадала роса,

Сирены били по нервам.

Ну что в этой спешке могла моя мать

С собою в такую дорогу собрать?»

Металась, хватала, что ближе легало.

И так совершенно случайно попала Шкатулка с крючками от переметов В один из узлов...» – вспоминал О.В. Сидорин в поэме «Завороженный».

Наступали холода, и, когда уходил последний пароход перед ледоставом, многие пытались бежать. В их числе были и Антонина с сыном, пока еще по имени Отто. Она сочинила историю, что ее муж Владимир погиб в борьбе с басмачами, остался сын Олег. Антонина изменила его год рождения с 1925-го на 1928-й. Ведь тех, кто подлежал призыву, отправляли либо в лагерь, либо на рудники.

Капитан парохода поверил в легенду. Так мать с сыном оказались в Новосибирске. Стальные крючки, о которых писал Сидорин в поэме «Завороженный», были в Сибири в цене. За них местные щедро давали продукты. Да и сам Отто промышлял рыбалкой. Это их спасло от голодной смерти.

Антонина смогла получить на сына свидетельство о рождении, сказав, что оно потерялось во время эвакуации. И Отто Оттович Гейн стал Олегом Владимировичем Сидориним.

Путь к театру

В Новосибирск был эвакуирован Ленинградский Большой драматический театр. Олег Сидорин прошел курс и был принят в театральную студию. В 1946 году театр и курс театрального института вернулись в Ленинград. Олег окончил Ленинградский ГИТИС сталинским стипендиатом, с красным дипломом. Позже окончил Высшие режиссерские курсы.

Мелекесс

Олег Сидорин жил и работал в Мелекессе с 1966-го по 1991 год, однако с большим перерывом. Из театра он был вынужден уволиться за постановку пьесы «Бег» по Булгакову. За

нее О.В. Сидорин впал в немилость к идеологу горкома партии. Жена Диана и несколько артистов поехали за ним в другие города: Серов, Ачинск, Усть-Каменогорск.

1988–1992 гг. – время «второго пришествия» Сидорина в драмтеатр. Димитровградцам запомнились постановки тех лет: «А что на дне колодца?» О. Сосина, «Хозяйка гостиницы» К. Гольдони, «Коварство и любовь» Шиллера. В «Свадьбе Кречинского» Сухова-Кобылина Анну Антоновну Атуеву играла жена Сидорина Диана.

Премьерой 1990 года стала постановка драматической сказки-легенды «Весенние песни надежды», составленной из отрезков жизни автора. В ней Сидорин раскрыл суть человеческих взаимоотношений через судьбу двух близнецов-братьев – Казбека (актер И. Гниденко) и Бруса (М. Маскалюк).

Предисловие к спектаклю:

«Память моя – это совесть моя. Каждый мой шаг в ней зарубкой отмечен.

Память моя – это подлинный я, И как бы ни был я нынче беспечен, Грянет тот час, когда память моя Все мне припомнит, как строгий судья.

Как ни хотел бы я что-то забыть, Память за все меня будет судить. Память моя не исчезнет со мною. Кто-то останется ею томим... Вот и хочу я, чтоб этим другим Память моя не давала покоя».

Однако авангардные постановки Сидорина не нравились чиновникам и многим актерам. Наметившийся раскол никто не смог остановить. В результате «реорганизации» О.В. Сидорина отправили на пенсию. С ним из театра ушел основной состав труппы.

В 1993 году Олега Сидорина не стало. Похоронен он в Вильнюсе. Надпись на памятнике уже не скрывает тайны режиссера: «Отто Оттович Сидорин-Гейн».

Николай Семин